

Замчалов Григорий Емельянович

Курносая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Кугнося / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85628-7

ISBN 978-5-519-85628-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

После праздника революции, в понедельник, помню, сидим мы в классе и пишем пересказ. Антонина Васильевна промеж парт ходит, смотрит, чтобы не сдували друг у друга. Я только обдумал все и начал писать, вдруг открылась дверь, и в нее зашла девчонка какая-то. Голова у нее была закутана шалью, полусапожки большие, аж носки кверху загнулись. А сама чуть повыше парты: окурок, одно слово.

Антонина Васильевна остановилась и смотрит на нее. И мы все смотрим. А она будто всегда у нас бывала. Размотала шаль, стряхнула с нее снег к порогу, потом высморкалась в тряпочку и положила ее в карман.

— Здравствуйте!

Мы так и покатались со смеху. Она стала к нам боком, и мы увидали, что у нее все загнутое: нос курносый, торчит кверху, полусапожки загнутые, коса сзади малюсенькая, как хвостик мышиный, и тоже кверху загнута.

Антонина Васильевна прикрикнула на нас:

— Ну, это что еще такое! Что за смех?!—и повернулась к ней.

— Здравствуй. Ты кто такая?

— Я—Косая.

Опять весь класс засмеялся. Антонина Васильевна подошла к ней совсем близко, оглядела ее и не знает, что сказать.

— Нет, вы на глаза не смотрите. Глаза у меня хорошие. Это у нас отец—Косой.

— Ну так что ж из этого?

— Ну, и я, значит, Косая.

Я как фыркну, аж слезы на глаза выступили. Она глянула на меня и сказала:

— Большой, а дурак.

Тут и Антонина Васильевна засмеялась.

— Глупенькая, ведь ты сама виновата. Ну, где же ты видала, чтобы люди называли себя косыми только потому, что у них отец косой?

— Никакая я не глупенькая! Как же мне называться, когда нас все так зовут? У нас фамилия такая: Косые.

— Ах, вот что! Ну, извини, милая, я тебя не поняла. Зачем же ты пришла к нам?

— Зачем? Учиться.

— Так ведь сейчас уже поздно, надо было с начала года.

— Тогда мне нельзя было, мать у нас хворала—я была за хозяйку.

— Да у нас и мест нет. Видишь, все занято.

— А вон, где большой сидит, который смеяться мастер.

— Это третья группа—в первой все занято.

— Мне не надо в первую. Я уже вторую кончила. Я две зимы в городе училась. Наши-то в Тыквине живут, а я там у дяди была. Только теперь его перевели в другое место.

— Когда же ты успела, тебе сколько лет?

— Десять уже. Вы не смотрите, что ростом маленькая, училась я хорошо, наша учительница хвалила меня.

Я думаю: «Постой, ты у меня пофorsiшь, я тебя похвалю!»

III

Посадили ее на мою парту. Я себе места не находил: как погляжу сзади на ее хвостик мышиный, так и хочется ей по шее съездить. Я самый первый в школе, меня все боятся, а ко мне посадили какую-то... даже сказать не умею—девчонку. А она все время, как нарочно, вертится передо мной—то повернется носом своим курносый, то затылком. Под косичкой на шее у ней ямка, и в ямке волоски рыжие... аж тошно делается.

На другой день я не утерпел и перед переменной сказал Антонине Васильевне:

— Я не буду с ней сидеть.

— Как это не будешь, почему?

— Не хочу я. Ну ее. Либо ее пересадите, либо меня.

— Да что такое, почему ты не хочешь?

— Засмеют меня. Скажут, Щетина с девчонкой сидит.

— Ну, уж это глупости. Никто над тобой не будет смеяться.

Тут зазвонил звонок. Я вышел на двор и стал дожидаться курносую. Она долго не выходила, должно быть, боялась. Потом наконец вышла, а кругом нее чуть не все наши девчонки. Смеются, расспрашивают, заглядывают в глаза. Две так даже в обнимку с ней с обеих сторон. Я прямо подошел к ним и сказал:

— Эй, ты, курносая, иди-ка сюда, я тебе что-то скажу.

А она мне:

— Тут курносых нет. Если ты это меня, то меня зовут Васеной, а фамилия мне Косая.

— Ну ладно, иди, когда зовут.

Девчата уцепились за нее, не пускают.

— Не ходи, Васена, он драться будет.

— Васена, это—Щетина, он у нас всех бьет.

Я думал, не пойдет. Нет, высвободилась от девчат и пошла. Только обернулась на ходу и сказала:

— Ничего, девочки, не побьет. Вы меня погодите, я сейчас приду.

Я отвел ее за сторожку и сразу поднес ей кулак к носу.

— Вот видишь?

— Вижу. Ох, и грязные у тебя руки! Гляди, как потрескались. Ну-ка, покажи, какие ногти?

Кулака она будто вовсе и не видала. Я сам не знаю, зачем, взял да и разжал его. Она уцепилась ручонками за мою руку, оглядела каждый палец и покачала головой.

— Ай-ай, а еще Щетина. Ведь ты же пропадешь от них.

— Будет болтать-то. Как это я пропаду?

— От заразы—вот как. Наша учительница привозила зимой трубку вроде как у землемера. Видал когда-нибудь?

— Нет, не видал.

— Эх ты, ничего ты не знаешь. Ну вот, чтобы видней было. Поглядишь в нее на спичку, а спичка толще пальца.

— Это зачем?

— Говорю, чтобы видней было.

— Так что же она с этой трубкой?

— У нас был Крюков Петька. Такой же вот, как ты: руки вечно грязные. Учительница взяла у него с ногтей грязь, посчитила в стакан и размешала с водичкой, потом налила этой воды на склянку и велела нам смотреть в трубочку. Мы поглядели, а там живые козявки плавают, махонькие-махонькие, только в эту трубку и можно разглядеть. Козявки, говорит, эти, как пападут в живот с хлебом или еще с чем, так заразу в нем делают.

— Брешешь ты все это.

— Зачем мне брехать! Кабы ты мне пятак дал, а то...

Она увидела, что две девчонки выглядывают из-за угла.

— Ну, я пойду. Меня девочки зовут.

Я вспомнил, зачем звал ее, и поймал за платье.

— Ты мне зубы не заговаривай, а то как дам вот.

Она хоть бы чуть испугалась. Подняла на меня свою курню и будто знать ничего не знает.

— Ты что, сбесился? Пусти, чуть платье не порвал.

Выдернула у меня подол и пошла потихоньку. А я стою, как дурачок, и глазами хлопаю.

IV

После уроков я опять стал дожидаться ее на улице. Обязательно надо ей всыпать, чтобы не задавалась, и чтобы пересела от меня на другую парту. А то если одной спустить, то и другие перестанут слушаться.

Еще загодя я разузнал, что жить она будет у Гордеевых на самом конце села за старой каланчей пожарной. Вот я там и стал у каланчи. Жду, жду—нет ее. Уже народ скотину на водопой гонит, уже темнеть стало, а ее все нет. Я обратно к школе. Подошел, вижу—в нашем классе огонь горит.

Зашел, а их там человек 20. Сгрудились возле учительского стола и о чем-то болтают. Курносая в самой середине с карандашом в руке. Больше там, правда, девчат было. Ну, и мальчишек тоже я увидел штук пять. Они было к стеночке, подальше от света, чтобы

я не видал их, а курносая как нарочно подняла лампу повыше.

— Кто там?

Я пригляделся хорошенько—вот тебе раз: Ванька Коромыслов!

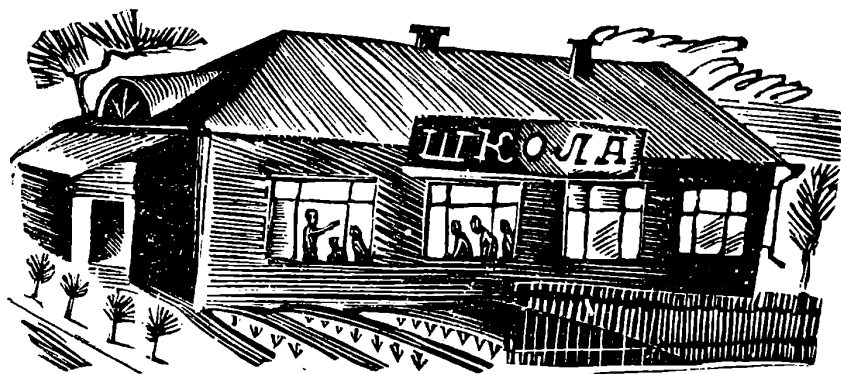
— Ага, попался! С девчатами компанию водишь?

Он только хотел рот раскрыть, курносая перебила его:

— У нас заседание. Не мешай нам. Если хочешь, так садись и слушай.

— Чего это вы высиживаете, как наседки все равно?

Смотрю, а она глазами в меня прямо воткнуться хочет.

— Щетинин, если ты будешь болтать глупости, то мы тебя выгоним.

— Кого—меня?

— Да, тебя!

— Ах ты...

Сзади скрипнула дверь, и кто-то спросил:

— Можно к вам?

Я оглянулся — Антонина Васильевна. Вот принесло ее не во время! Если бы не она, я не посмотрел бы, что у них там заседание, что ли. При всех бы наклац курносой, а заодно и Ваньке всыпал бы.

Эту неделю я совсем почти не учил-

ся. Ну, какое же тут ученье? Пока в школе сидишь, она тут рядом, курносая. При ней ничего на ум нейдет. Вечером опять не до уроков: надо караулить ее!

Она оказалась до того хитрая, ну, прямо терпенья нет. На уроках сидит—сама до плеч мне не достает, я бы мог ее одним пальцем пришибить—а она меня будто и не видит вовсе. Как будто я перед ней козьявка какая. А как из класса выйдет, кругом нее целая

куча. Окружат ее и ходят или играют. Игры она подбирала все такие, чтобы в них побольше людей участвовало. Одну даже такую придумала, что в ней могли играть и большие, и маленькие, хоть вся школа сразу.